

Пётр Гладилин

СТихОТворЕния

Все права принадлежат автору

Гладилин Петр Владимирович
8 926 142 60 56
8 (499) 151 50 07
dd@m9com.ru

**

Там на небе всем хватит места
Ну а если потесниться придется,
Я выдохну.

ИЗ ЦИКЛА

«НАИВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ»

**

Мне нравится идея Набокова
о необходимости проведения
литературных Олимпийских игр,
мне нравится мысль Мюнхгаузена
о том, чтобы заряжать пушки
баронами,
мне близок мой собственный тезис
о том, что в замке песочном
принцессу зовут Песчинкой,
и еще вот что:
мне нравится, когда весной
стрекозки,
нанюхавшись кокаина,
в полете ломаются надвое
и осыпаются вниз,
все остальное мне чуждо,
неблизко и непонятно.

**

Мы последних капель очевидцы
Наслажденья и уединенья,
Их в ладонях носят ангелицы,
Заливают в нимбы для свеченья.

Вот одна сорвалась и повисла,
Ее мир прозрачный, невесомый,
Сколько в нем таинственного смысла,
А в полете медленной истомы.

Вслед за ней срывается другая:
Ощущаю каждой клеткой в теле,
Как с небес дождит вода святая —
Пью из серебра ее капли.

Этот дождь евангельский, как манна
Для души горячей, обожженной,
Я стою под облаком багряным
Без плаща и кожи — обнаженный.

Дух святой — грибным дождем играя,
Изнутри омоет и снаружи...
И душа, как девочка босая
Побежит, блаженная, по лужам.

**

Ночь сожгла дотла
нотные дома
и разрежала ладонью
курицу, собаку, вола

с неба натекло в рукава
вдохновенья,
и моя голова
ухает, как ночью сова.

**

Встречаться с тобой на крыше старого дома,
много лет подряд, каждый день приходить сюда
и никогда не расставаться,
обнявшись,
ждать внезапного появления друг друга.

Встречаться с тобой на крыше старого дома,
большого, построенного еще во времена Соломона,
сидеть спина к спине и слушать,
как скрипят двери на сквозняках,
как трещит и содрогается его старое
деревянное тело.

Сидеть спина к спине и смотреть в серое небо.
И так, не шелохнувшись, дожить до первого снега,
замерзнуть,
покрыться корочкой льда, умереть,
стать двумя половинами крылатого льва,
живущего на голубятне.

И вдруг неожиданно для самих себя
сорваться с крыши и полететь туда,
где еще не разорены последние гнезда безмолвия.
В дикую, заснеженную пустыню на самом краю
земли.

Туда, где хватит простора для любого движения души
Туда, где каждому слову хватит тишины
для его счастливого существования.

**

Моросящие вены, артерии неба.
Дождь, питающий наши поля.
Дождь этот — кровь, тело — хлебное поле
И высокие мысли — пирамидальные тополя.

Солнце красное — прозрачное веко:
Открывается — день. Закрывается — ночь.
Так устроен единственный глаз человека,
Который нам не сумеет помочь.

Так устроен мир живущих без бога,
Ветер плачет в языческой, дикой душе,
В темном царстве, где дьявол в одежде пророка
Строит рай на прекрасной и грешной земле.

Пахарь режет ножом нашу бrenную плоть,
Щедро сеет озноб, и земля плодоносит.
Прорастают из раны отчаянье, злость,
Смерть их тут же старательно косит.

Тяжек ужаса молот — удар кузнеца,
Из печи тащит в холод клещами,
Закаляет в железном поддоне сердца
Леденящими душу словами.

*
**

Безмолвие стекает вниз по стенам,
заливая комнату,

лежу на спине, слушаю —
тишина прибывает:

льется, льется неслышно,
все выше и выше,

затопила лицо,
и только кончик носа
торчит, словно из-под воды.

**

На ангеловом теле
две бабочки сидели,
глота я летний сад
одна держала в лапках
коробку карамели,
другая пила жадно
цветочный шоколад.

лежала жаба рядом
под ливнем-звездопадом,
мечтая о вине,
потом достала зонтик,
кувшинки белый ломтик
и скрылась в глубине.

но облако сорвалось
с небес, и жить осталось
две капли три глотка,
и бабочки опали,
рассыпались, пропали,
как лепестки цветка.

под коркой ледяною
в пещере под землю
в гробу из хрусталя
заснула, как принцесса,
квакушка-поэтесса,
печальна и легка.

**

Мы приходим в кинотеатр
жить чужой жизнью:
я плачу по мертвой Джульетте,
но слезы на глазах не мои — а Ромео.

Сеанс окончен, нас выгнали в осень,
под ногами шелестят горы засвеченной пленки,
на перекрестках милиционеры в париках
при резиновых шпагах,
их гильфики светятся в темноте.

Около метро Крез торгует мусором,
пойду, покопаюсь и, к своему удивлению,
отыщу среди этого хлама стихотворение Блейка,
выгравированное на сером камне им самим.

Девочки в коротеньких юбочках
ведут сквозь узкие турникеты метро пьяного слоненка.
В его хоботе бутылка дешевого вина.

Спускаюсь по эскалатору вниз, вдруг
замерло мое сердце, остановилось, задумалось.
Это, наверное, мама вспомнила обо мне.
Все хорошо, мама, у меня все хорошо,
твои предчувствия обманули тебя:
я плакал не потому, что случилось плохое.
Сегодня вечером я был в кино
и проливал там чужие слезы.

*
**

лепестки цветов
превращаются в бабочек
и улетают

в руках остаются стебли —
розги нравоучений.

*
**

Осы звенят, как красные мазки
На холсте Ван Гога.

**

стоять на ветру и петь
и плакать роняя слезы
ослепнуть и умереть

последнее слово — бог
а первое я не помню
оно было между строк

ничто не спасет теперь
душа у ворот железных
закрыта райская дверь

боится в глаза взглянуть
мои Михаил Архангел
не в чем меня упрекнуть

и я на колени встаю
и ветер надсадно воет
и я все пою пою

а я все пою пою
мама зачем не знаю
колыбельную песню твою

**

если я когда-нибудь шагну в бездну
только с парашютом за спиной
сшитом из твоих коротеньких платиц.

**

По дороге к морю песню споем,
Искупаемся, зароем песню в песок,
Рядом флажок воткнем
Чтобы я отыскать ее смог.

Когда пройдет много лет,
На этом месте найду
Запев, припев и куплет
И снова ее спою.

Прошли года, я пришел
На пляж, где серый песок,
Но песенку я не нашел,
Ни песенку, ни флажок.

Я помнил слова, но забыл.
А море кипит, шипит,
Когда я мальчиком был,
Я бросил в него карбид.

*
**

ту самую сторону жизни которую
охраняют псы отрыгивающие
шрифтом газетных передовиц
я называю вакуумом

во рту кесаря как в колбе
парламентом создается климат
необходимый для принятия
важных решений
об индустриализации зева блудницы

по ту сторону живой правды
на войну с небом собирается отряд
колченогих уродливых иллюзий
тем временем небо вооружается
святым духом

небо запасается метеоритами
чтобы размножить кесарю
его парусиновые крылья
его железную голову

тьма шагает по площади
язык блудницы прикреплен к древку
и развевается на ветру как знамя
на нем начертано
выберем антихриста в президенты

*
**

Жизнь в Москве
Становится похожей на ссылку.
Жизнь без моря, без Солнца,
Без раскаленного песка,
Жизнь в заточенье —
Под аккомпанемент дождя.

Такова жизнь в столице,
А что же тогда говорить о Сибири,
Или о Северном Ледовитом океане,
Где подо льдом живут
Тысячи и тысячи сосланных поэтов,
Осужденных за злоупотребление
Метафорической речью?

Но ничего,
Как-нибудь,
Возьмемся за руки,
Ахнем,
Послушаем музыку,
Ухнем,
Сходим в кино,
споем песню, проголодаемся,
Помолчим,
Выпьем, протрезвеем,
И бог даст,
напишем на двоих
пять или шесть тысяч
новых стихотворений
и тут же опубликуем их

в книге судеб,
на фарфоровых страницах
кофейными чернилами.
на стальных страницах
дымящейся кровью.

~

сколько лет я ждал рассвета
канул белый свет во тьму
почему же солнца нету
неужели я в аду

что за крики что за стоны
слышу я со всех сторон
черной пропастью бездонной
пропадает небосклон

на душе зола и сажа
жжет огонь но света нет
если пламя есть — куда же
подевался его свет

неужели будет вечной
эта угольная тьма
мои плечи покалечит
безысходности сума

но однажды солнце встало
слава богу — рассвело
птица трижды прокричала
стало ясно и светло

я увидел не бездонно
это небо надо мной
оно пологом покрыто
плащаницей голубой

и звезда начав сначала
во вселенной путь нашла
и зачем же так страдала
моя вечная душа

*
**

Мотылек с реактивным воем
проносится над головой,
Мой пращур был шестеренкой
в государственной червячной передаче.
Рыбы-обломки алюминия
радиоуправляемые под водой,
Джюльетта на полупроводниках,
Ромео на микросхемах —
они никогда не заплачут.

Орфей запускает вирус в компьютер,
он живет с компьютером
и не хочет предохраняться,

Дух медовый стал дистрибьютором,
а когда-то был пажом
белоснежной, цветущей акации.

*
**

Тишина, пустота, вакуум,
отсутствие смысла, обморок —
вот основные принципы красоты.

*
**

Изысканные, благородные пороки,
Нравы дикие, но просвещенные,
Казни — утонченные зрелища,
Повсюду назидательный разврат,
Прибыльная праздность,
Преступления, соответствующие

Духу и букве закона.
Безумные интеллектуалы,
Бездарные художники,
Завораживающая, полная
Непристойностей поэзия.
Сбылось.
Вот она жизнь — о которой мечтали.

**

зима вошла
принесла плоды
в свой сталактический сад
они целебней живой воды
и слаще чем виноград

вставать на колени
приятно
легко
касаюсь губами
реки
пью терпкое
с колотым льдом
молоко
из полу-
прозрачной
руки

и вдруг
обомлевший
теряю речь
от свежести тела ее
хрустит под ногами
упавшее с плеч
на пол
кружевное белье

*
**

мох слагает сагу о том
на исходе летнего дня
как облако распахнутым настежь ртом
собирает весенний планктон
по земле плавниками скользя

о тонкий
случайный сквозняк в душе
порезавшись до крови
синица тоскует в раю
в шалаше
и слезы стучат о стол как драже
неразделенной любви

*
**

все было очень просто
вот как это случилось
в девочке жил человек
маленького роста
крохотный как кузнечик
он бродил по ней
от нечего делать
то в душу заглянет
то пойдет проведает ножки
то вдруг забавляясь
ей воздухом сердце надует
и ниточкой перевяжет
как будто оно не сердце
а красный шарик воздушный
она обмирает бедняжка
она бедняжка бледнеет
а он дурачок смеется
а девочка тихо бормочет
как плохо мне
как мне плохо

прошло много лет однажды
ниточка выскользнула из рук
человечка
выскользнула мокрая ниточка
выскользнула мокрая-премокрая
в небо сердце девочкино улетело
словно шарик воздушный
и ветер ее сердечко унес
море с ним долго играло

а потом горизонт
спрятал девочкино сердце за спиною
и стала эта девочка бессердечной
и стала она очень жестокой
а во всем виноват человек
ростом не больше наперстка

*
**

О чем мечтаешь ты, Мальвина,
На сопках солнечной Маньчжурии?
О сколько пепла и стрихнина
В китайском ульи.

Пока ты завивала локон,
Смотрелась в зеркало и пела,
Войска прошли сплошным потоком
Сквозь твое чрево.

За нежность больше не заплатят,
Твой друг сгорел в железной топке,
Позвякивает лед на платье
И рюмка в глотке.

Тебя убьют тоской прогорклой,
Лопатой на отрез отмерят,
Гашенной известью и хлоркой
Лицо отбелят.

**

От дикой сердечной горячки и жара
Оплавилась памятники и медальоны,
Горячая медь по тротуарам
Стекает, сжигая опавшие с клена
И пожелтевшие мемуары.

Дома оживают, как старые гильзы,
Как будто в них дуют, губами прижавшись,
Дрожат водосточные трубы, карнизы,
И чтобы не слышать ужасного свиста,
Мы души друг другу закроем руками.

Лед под ногами черный, как кофе,
Луна вывернута наизнанку,
На лавке в парке спит Мефистофель,
И прорастает во тьме, как картофель,
Белыми пальчиками вакханки.

**

на облаке заснешь
под землю проснешься
все остальное неважно

**

Рассвет ломает корни деревьев,
Птица в царской короне гниет,
В опере рыщут голодные звери,
Царапая позолоченный лед.

Провода на ветру завывают, как пьяницы,
Шарманка забита грязным тряпьем,
В постели своей горит бесприданница,
Холодным пламенем, синим огнем.

Часовые у башен кремлевских,
Словно цикады, стрекочут в траве,
В переходах подземных березки
Сережками клацают на сквозняке.

Ветер крепчает над крышей и черепом,
Молоко закисает у змея во рту,
Калькулятор выплюнул число зверя,
И оно, словно мяч, покатилося льду.

В ресторане купец пьет из ложечки манго,
Бронюю прикрыв свой хрустальный висок,
В воздухе реет не красное знамя,
А тонко нарезанный мяса кусок.

Стреляют в людей, попадают в деревья,
Их пичкают, как из ложки, свинцом,
Струна натянута, как империя,
Перед революцией, перед концом.

И мир этот падший — всего лишь виденье,
Покойник, его положили на стол,
Вонзаю в грудь его стихотворенье
Острое, как осиновый кол.

*
**

Мой грустный Арлекин, смешны
Твои заученные роли,
Кому они теперь нужны,
Убитые не слышат боли.

Такая ночь, кому светить?
Душа — потемки, жизнь — притворство,
Не надо душу беречь,
Искусство — это живодерство.

Сегодня казни на аншлаг,
Скользя над жизнью и скучая,
Приходят полчища зевак
Туда, где жгут и убивают.

Возьми топор, на эшафот
Иди, порадуй кровью зверя,
Пусть веселится дикий сброд,
Иди, болтун и пустомеля.

«Рыжий карамболъ»

Рождество

Этот день — тебе подарок.
Блестку тихо разверни:
Здесь не сладости — огарок,
Полюбуйся — и верни.

Ни тебе забав веселых,
Ни стреляющих конфет,
Только дети — новоселы
Тех рождественских планет.

Но они, увы, не знают,
Кто виновник торжества,
Имя Божье поминают
Всеу — ради баловства.

Стекла, что изрезал иней,
Перед сном перелистай,
Где плывет на белой льдине
Серебристый горностай.

На груди его пылает
Тень оконного креста,
Он в лицо, как брата, знает
Именинника — Христа.

ОСЕННИЙ БИЛЬЯРД

Солнца желтый мячик
От удара пуст.
Осень краски прячет
В сети желтых луз.

Кием утонченным —
Яблоки в траву, —
Наискось крученым
В утреннем дыму.

И, нацелясь слепо,
Горизонта вдоль —
Молния о небо:
Рыжий карамболь.

*
**

День разлетается в щепки,
Голуби смотрят в окно,
Белый пиджак на прищепке
Плачет в стальное ведро.

Ветер о стекла скребется,
Книги стоят взаперти,
Струйкой мелодия льется
И закисает в груди.

Жалко девчонок заблудших,
Кошек, бездомных собак,
Правда, хотелось как лучше,
Жалко, что вышло не так.

Скоро опять понедельник:
Бабы в кухонном аду,
А за стеною бездельник
Оды слагает труду.

Сказочник

В кромешной тьме, на четырех ветрах,
Пока еще не скованный цепями,
Я плаваю один в полночных облаках,
Держась за воздух слабыми руками.

Меня уже давно хотят казнить,
И ставят сети городские стражи —
Они хотят до самых звезд пустить
Железную заржавевшую пряжу.

Но старый ворон — площадной барон —
Над нами шутит: «Разве мало птиц?
Ловили б лучше соек и ворон,
Зачем вам собиратель небылиц?»

Усатый капитан ему ответил:
«Затем, чтобы потешить палача,
Затем, чтоб ты был сыт, чтобы отведал
Печальных сказок из его плеча!»

Карусель

Баллада

На карусели сели
И взяли на разбег.
Колесники запели:
«Вращайся, человек!»

Распорядитель скачет,
Торопит пестрый цех,
Вращая балаганчик
И карусельный смех.

Закованные кони
Хмелеют от езды,

По воздуху витают
Их медные хвосты.

У девы закружилась
От счастья голова.
С ней юноша прекрасный,
Любовь и удила.

Вращай ее словами,
Шепчи и торжествуй!
Жонглирует губами
Беспечный поцелуй.

«Хоть я и недотрога, —
Она ему в ответ, —
Скажи, куда дорога
Нас приведет, мой свет?»

«Ах, что бы ни случилось,
По кругу скачем мы.
Куда б она ни вилась,
Здесь нет конца пути.

И этот путь прекрасный
Очерчен навсегда.
Краснеешь ты напрасно,
Сгорая от стыда!..»

Но что-то вдруг случилось:
Железное копьё
Во грудь его вонзилось,
В бумажное белье!

И конь заржал железный,
Умчал ее во мрак,
И карусель застыла,
Отбив последний такт.

И черный ангел мрака
За ней бежал всю ночь.
Оцепенев от страха,
Она скакала прочь.

А там, где было эхо
И светлое лицо,
Остановилось смеха
Цветное колесо.

Веселый карусельщик
Всю ночь искал коня,
И мальчик мертвый плакал,
Судьбу свою кляня.

*
**

Пингвин веселый умирал во сне.
Хотел проснуться — только было поздно,
К смертельной привыкая новизне,
Тихонько трогал клювом черный воздух.

Ледовый век, увядшие мечты — он пережил
И в бледные постели
Светящееся тело положил,
Когда, прощаясь, гимны ему пели.

Его следы уснули на снегу,
И льдины городов осиротели,
Они идут, но медленно, ко дну,
Под траурную музыку метели.

Смешалось все как будто бы во сне,
И ангел светлый, как прибой, качаясь,
Идет с его душою налегке,
И волны плачут, пенясь и печаясь.

Он — человек, похожий на птенца,
Лежал распластан в белой колыбели
Без мысли, без движенья, без лица,
Ногами чувствуя, как дует из-под двери.

А вдалеке корабль белый плыл,
И музыка сочилась через трубы,
Пожарами на палубах светил
И целовал морские дали в губы...

*
**

Я с ладони срисовывал эти тонкие линии
От волны до волны на соленом песке,
На оконном стекле, поседевшем от инея,
Акварелью волос на виске.
И пера не осталось от той окрыленности,
Снова воздух безвкусен, и мне все одно —
Паутинные нити твоей утонченности
На ладони порвались давно.

*
**

Из какого металла льют серебро рыб?
Из того же редчайшего сплава я хочу самолет,
Чтобы не торопился и медленно плыл в небесах
Между водорослей — тополей и раковин-домов
Из того же металла — гибкого и живого.

*
**

Майское упоенье жизнью
Пришло ранней зимой.
Кожа шелушится крыльями бабочек,
От озноба мурашки ползают по спине,
И стоит остановиться, как ноги пускают корни
В холодную зимнюю землю.

Я боюсь остановиться, иду,
Пчелы роятся вокруг головы,
Влетая в открытый рот.
Почки распускаются
На кончиках пальцев.
А в кармане лежит оттаявшая,
Сладко зевающая лягушка.
Захожу в кафе с пересохшим треснувшим ртом,
Прошу воды.
Едва касаюсь губами бокала,
Как в нем закипает вода
От рыбьих хвостов.

Все смотрят мне вслед,
А я убегаю,
Оставляя в воздухе запах
Будущих счастливых потрясений.

*
**

Мы пытаемся ухватиться
За уходящее время,
Но срываются пальцы.
Однако в одиночестве
Намного тяжелее
Пытаться делать невозможное.
Общие усилия так же бессмысленны,
Но уже не трагичны.

И до утра танцуй с ней
Марине

Как счастлива танцовщица — она марионетка,
Подвешена за звук — на пальцы скрипача,
Блестит, как алмаз, изяществом, кокетка,
То вертится волчком, то тает, как свеча.

Но, но, беги быстрее, чумазый арапчонок,
За палочкой маэстро поторопись, кларнет,
Сегодня мы с тобой побалуем девчонок —
Танцуют даже тени прекрасный менуэт.

Но кто же там в углу — за белою портьерой
Грустит о чем-то тихо, любитесь дождем?
Пусть даже грусть прелестна, но, увы, химера.
Мой мальчик, приведи ее, мы вас обоих ждем.

Развесели попробуй, отговори от скуки,
Тебе поможет в этом звенящий клавесин,
Возьми ее под руки, возьми ее в подруги
И до утра танцуй с ней, а хочешь — до седин.

Мы – разное повсюду

Я потерял свой дом —
Веселый муравейник,
Я в царствии ином,
Сегодня я — репейник.

Ты — стебель у цветка
Сегодня. Завтра станешь
Прозрачностью ледка
И на руках растаешь.

Где встретиться, скажи?
Мы — разное повсюду.
Сегодня дрозд во ржи,
Я скоро снегом буду.

Пикадор

Жук заколот на бумаге —
Под ребро стальной иглой.
Страшный вид у бедолаги:
Крылья — траурные флаги.
Поединок был недолгим.

Коллекционер — очкарик,
Пикадор, храбрец известный,
Над жуком зажег фонарик,
Что-то пишет в свой букварик,
Где лежать убитым тесно.

Все живущие — на касты,
Где подписано под брюшком.
Любопытные глазасты,
Сердце их из алебастра
Бьет, как молот, бьет, как пушка.

Каждый новый выстрел сердца,
Каждый новый лист в альбоме —
Это смерть для иноверца.
Крылья хлопают, как дверцы
В брошенном навеки доме.

*
**

По нашим улицам сегодня мчится тьма:
Она луной клялась быть до зари,
Она зачем-то будит фонари.

По нашим улицам бегут метель и сон:
Они поют, как хор сирен,
Про наготу продрогших стен.

По нашим улицам слова замерзшие идут:
О них забыли до утра,
Их жгут холодные ветра.

Ты, милая, пусти их в дом,
Согрей их,
Прогони свой сон,
Пусть сон с метелью — снова в путь,
А ты скажи мне что-нибудь!

Тень

Свой крест поцеловал я,
Он — перекресток мира.
На грудь его повешу
За ниточку эфира.

Куда иду — не знаю,
Иду, пока не лень.
Нет преданней подруги,
Чем собственная тень.

Она всегда со мною,
Не бросит, не уйдет,
Тихонько за спиною
Без устали бредет.

Жена моя навеки,
Единственная дочь,
Она меня оставит,
Когда наступит ночь.

Но вот вернулось солнце,
Моя принцесса, где ты?
Мне без тебя так грустно,
Пойдем по белу свету.

Карнавал

Карнавал свистел под маской,
Языком огни крутил,
Завлекал бесовской пляской
И круги в глазах чертил.

Чернокнижник — мрачный дока
Нас улыбками вращал,
И весельем от порока
Исцелить пообещал.

Чародей — волшебник шеи —
Завязал ее петлей,
Не хватало только реи,
Чтоб повис он над землей.

Здесь над пропастью веселья
Зависал беспечный дух,
Фиолетовые перья —
Над сединами старух.

Пели песни до рассвета.
Солнца свет от тьмы не спас:
Карнавала больше нету,
Как фонарик, он погас.

По сугробам серпантина
Я иду один домой
И стучу по тротуару
Деревянною ногой.

Брошенные дома

По порталам с колоннами снега,
По кварталам разбитых домов,
Я бродил и искал крошку света,
Обрезаясь о бритвы углов.

Было холодно в черных подъездах,
На решетках желтели огни,
Было мало здесь света и места,
И совсем не бывало любви.

Гнили в стенах огрызки и сплетни,
Под ногами скрипело стекло,
Здесь разбойничьи грязные песни
Пели судьбам разбитым назло.

Здесь под крышею спрятался Воланд,
Черный ворон стоял на часах,
Здесь гостили и горе, и голод,
От прозренья болели глаза.

Дико, холодно. Стужа как стража.
Двери хлопают, пьют сквозняки.
В потолке плещут лужи из сажи,
В них — кораблики черной тоски.

Ухожу. Тороплюсь. Не прощаюсь.
Не могу оглянуться назад,
Не хочу, но, как мысль, возвращаюсь
В этот каменный, высохший сад...

**

Через всю Россию волоком
тащит муха церковный колокол —
Прятать в мой непромокаемый череп.

Комар принес крест с заброшенной могилы,
На нитку надел, повесил мне на грудь,
Прикрыв дверью рубахи.

Червь завернул в сухую скатерть ладони
Зеленую сгнившую пуговицу:
«Это все, что осталось от солдата».

Втроем они садятся за стол моей души
И смотрят в глубь времени.
Пора. Им надо идти.
Они закрывают меня на замок и уходят...

**

Шеи лебязьи — это юг.
Бычьи рога — это север.
Хризантемы наслаждения — это восток.

Зубастое колесо — это запад,
Мир четырехсторонен,
Как изба той мифической девки,
Которая стоит ко мне спиной,
К лесу — макияжем.
Стучаться в непрорубленные двери —
Такова была судьба первого русского интеллигента,
Иванушки-дурачка.
Хотя что изменилось с тех пор?..

Осенняя Муза

Моя душа всегда хотела сказок.
Для этого к ней дева снизошла,
И пальцами своими пересказы
На струнах утонченные нашла.

Лес желтизной и золотом оделся,
Ступила осень в сумерки, светла,
И дева свое маленькое тельце
Отпила из реки, глотнув вина.

Она плыла, касаясь белых лилий,
Стада оленей пели вместе с ней,
Она пила вино, и птицы пили,
Слетая с позолоченных ветвей.

Река лилась за дальний горный гребень,
Пятнистые стада искали брод,
И осени хмельной прозрачный стебель
Уже пригнул к земле хрустальный плод.

Я полагал, что это — просветленье,
Нет, это лишь движение души,
Когда приходит дева вдохновенья
Из дебрей девственных, из сказочной глуши...

Прибой

На берег выбросил прибой
Случайные предметы.
Мы среди них найдем с тобой
Ужасные приметы.

Кого сегодня принесло?
Кто в берега стучится?
Обломок куклы и гнездо
Какой-то странной птицы.

Разбиты окна, стекол нет,
Разбросаны и смяты
Надежды многих ее лет
И те, что были святы.

От странствий долгих по волнам,
От слез промокли стены,
И лампы медленный волан
Ослеп, порезав вены.

Живая кукла еще спит,
Проснется и заплачет.
Записка на столе лежит:
«Я не могла иначе».

Но вдруг ударила волна,
Гнездо перевернулось,
Возьмем ее, возьмем, пока
Дитя не захлебнулось!

*
**

Всю жизнь,
Как на вокзале,
Я провожу
В ожидании приезда

Самого себя.
И каждый день
Приезжает
Очень похожий на меня,
Но совершенно чужой человек.
Я подаю ему руку,
Называю своим именем,
Краснею
И обращаюсь к себе на «Вы».

**

Люди — это кочевники,
идущие по пустыне жизни к старости,
Через оазис леденцового петушка.

**

Нарисую красным мелом
На груди мишени круг,
Попрощаюсь с бранным телом,
Душу выпущу из рук.

Ей хотелось в бесконечность,
А попала в западню.
Что за жуткая беспечность
Говорить врагам «люблю»?

На железный крюк подвесив,
Душу мучают с утра,
Чтобы не было ни спеси,
Ни открытого нутра.

То, проказница, смеется,
То от боли закричит,
Ребра — настезь, сердце бьется,
Аритмически стучит.

На вершине дикой бездны
В страшном омуте горы

Откровенья бесполезны,
Инквизиторы мудры.

Подурачились — будет.
Жив остался — повезло...
До сих пор жестоко судят
За такое ремесло.

*
**

При свете маяка читает
Полночник — белый теплоход.
Свеча над городом мерцает,

Сады повисли в тишине,
А ветер с моря, теплый ветер,
Приходит запахом во сне.

Земля сочится и кровит
От спелых вишен, палых вишен.
Свеча над городом горит,
И запах моря еле слышен.

СМЕРТЬ

Признаюсь — я давно
Влюбился в эту фею.
Она — мое вино,
Я от нее пьянею.

Из тайн подобной нет.
Она всегда сурова,
Она — могильный свет
Из светоча иного.

Тихонечко толкнет
Нежданно среди ночи,
О прожитом всплакнет
И станет мне пророчить:

Мой милый, торопись,
Тебе осталось мало,
Невечный, оглянись,
Уже зима настала.

Снежинки принесет
И навсегда подарит,
Остынет, словно лед,
И больше не оттает.

Я слушаю опять
И грею ее руки,
Она устала ждать,
А я хочу разлуки.

Заплачет и уйдет,
Когда-нибудь вернется.
Когда-нибудь найдет,
Когда-нибудь дождется.

НЕВОПЛОЩЕНИЕ

Слова на песке
Подобны славе.
Воск без огня
Не рассеет тьму.
Как быть,
Если у флейты
Три горла
И ни одного
Живого человеческого
Пальца?
Если вечером
Выпала роса
И наши лица вымокли,
Значит, соединились
Воедино
Невоплощения.

**

Ночью дороги плывут
В лодках тел,
Лошадей и путешественников
И видят, как на берегу
Ласточки и стрижи
Линчуют ад
Мальчика, не умеющего ходить.
Течение уносит их дальше,
Но одна дорога остается,
Выходит на берег,
Идет к окну его дома,
Превращается в кошку,
Ложится мальчику на колени,
И он гладит ее,
Не скупясь на шаги-прикосновения,
Уходя все дальше из этих мест.

37

Стихи

Ленинградский блюз

Гром ударил из петарды,
Небо сеет дождь и страх,
Смотрит с площади, как в карты,
И крапит их на углах.

Струи черные полощут,
Заливая свежий лед,
И фонарь слепой на ощупь
Нас по улице ведет.

Я тону в дожде осеннем.
Дайте руку кто-нибудь!
Под зонтами ходят тени,
И у каждой есть сой путь.

Лев гривастый и высокий,
Позолоченный, с венцом

Намочил больные ноги
Перед мраморным крыльцом.

Он один меня жалеет,
Прячет под свое крыло,
Как щенка, дыханьем греет,
Отдавая мне тепло.

Дождь пройдет еще не скоро,
А Нева с ним заодно.
Вымокший до нитки город
Опускается на дно.

Я запомнил этот вечер,
Город, залитый водой,
Лев подставил свои плечи,
Не оставил, взял с собой.

Будет это — едва ли знаем.
Гром опять трубит вдали.
Мы, обнявшись, отплываем
В поисках Большой земли.

Сколько лет, мой друг премудрый,
Через площади и рвы
Мы плывем, встречая утро
В водах неба и Невы.

Мой единственный попутчик
В этом городе дождей —
Через годы, через тучи,
Через вереницы дней.

Поистерлась позолота,
Точат ливни твою грудь.
Нет ни острова, ни брода —
Только дождь да вечный путь.